

Присказка

– Он сродни тебе...

Макошь вздрогнула, когда лёгкая песнь флейты, разливающаяся по округе убаюкивающей мелодией, резко оборвалась и за её спиной раздался насмешливый вкрадчивый голос. Пряха нервно пошевелила пальцами правой руки, готовая в любой момент сжать их на рукояти Серпа Судьбы. Не оборачиваясь, она взирала на руины Приюта Павших Богов и с каждым мгновением хмурилась всё сильнее. Чёрнокрылые вороны продолжали кружиться в трёх хороводах, но неуловимые изменения проскальзывали в их полёте. Девушка не могла понять, что именно её настораживает. Отвлёкшись от тягостного созерцания, она прекратила испытывать терпение незнакомца и вымолвила:

– Ты, видно, шутишь?

Заливистый смех, смешанный с грустью, колющей в самое сердце, ударил ей в спину с едва заметным душком. Плесень!

– Шутил... – поникший голос говорил о том, что его хозяин понуро опустил голову, съев конец фразы. – Раньше. Но ныне разучился.

– С чего ты решил, что мы похожи?

– Вы оба плетуны¹.

Макошь удивлённо подняла брови, всерьёз намереваясь покарать наглеца.

– Желаеть проверить, что острее: твой язык или мой Серп?

Незнакомец продолжил, не обращая внимания на угрозу:

– Он вплетает плесень в сплетённые тобой нити человеческих судеб, которые тут же слипаются и становятся подвластны ему.

¹ Игра слов. Плетун (с укр.) – сплетник, враль. В другом значении слово может употребляться в отношении паука: паук-плетун.

– Кому подвластен ты?

Макошь резко обернулась, но за её спиной никого не оказалось. Тут же вновь раздалась насмешливая песнь флейты. Игривая мелодия взъерошила спадающие на плечи волосы, хлестнула по подолу платья и запрыгала по глади водоёма, расположенного за каменистым берегом, в нескольких десятках шагов от Хозяйки Серпа Судьбы.

Девушка перевела гневный взор на Приют Павших Богов, до рези в глазах вглядываясь в руины замка, служащие темницей Чёрному Колдуну. Прикусив губу, она с горечью подумала – если так и дальше пойдёт, то темница Чародея превратится в его оплот. Закрыв глаза, Макошь расправила плечи и, вздохнув, всмотрелась в чёрные пульсирующие нити, сходящиеся к месту заточения Чародея. Их было столь много, что в некоторых местах плесень полностью покрывала землю. Благо, что она не решилась подходить ближе, это могло закончиться не весть чем – чары, сдерживающие Узника, слабеют.

– Нужно будет наказать Баюну проверить, куда ведут самые толстые нити.

Сожалея, что Флейтист более не проявил себя, Макошь развернулась, лёгким движением руки открыла тайный путь и зашагала прочь, чувствуя на себе полный ненависти взгляд притаившейся в водоёме мавки.

Зачин

– Наляга-ай!

Обнажив взмыленные спины, кряжистые парни тянули на себя длинные воловьи рога. Топчущие грязь звери истошно мычали – они и сами были бы рады поскорее миновать вязкую жижу, но расположившаяся на сопряжённых телегах тяжёлая ноша прижимала к земле, будто не желая, чтобы груз добрался до места назначения.

Лесорубы, топоры которых ждали своего часа, нежась в соломе, высланной на дне обозной телеги, утирая крупный пот, опасливо сетовали на столь дальний путь, заведший их в непролазную чащобу, и искоса поглядывали на ищущего, стоявшего на обочине и руководящего поездом², на котором лежал выточенный из массивного камня лик Господина.

– Поднажми-и!

Руководящий лесорубами Мокроус – старый и опытный дедок, несколько весён назад взявшийся с побратимами за хорошо оплачиваемую работёнку, – проследил за взглядом недавно прибывшего к ним молодчика, который больше всех огрызнулся на ищущего, платившего полновесными гривнами. Уяснив, что одетый в чёрный балахон ищущий – первый из слуг Господина – заметил тяжёлый человеческий взгляд, Мокроус толкнул парня и, подобострастно поклонившись нанимателю, оттеснил молодчика к кустам, зло зашептав:

– Ты чего, Сом, сдурел, что ли?

– А чего он! – огрызнулся разгорячённый тяжёлым переходом парень.

– А ничего, – Мокроус показал ему волосатый мозолистый кулачище. – Он платит, ты тянешь, да лес валишь и чуров лже-богов выкорчёвываешь во славу нашего Господина.

² В данном случае двигающиеся друг за дружкой телеги.

– Пусть сам его слав...

Сом не договорил, потная пятерня заткнула ему рот. Парень невольно дёрнул рукой, пытаясь привычным жестом выхватить топор, обычно висящий за поясом, но схватил лишь воздух – топоры загодя были убраны в обоз, дабы не потерялись в дороге.

– Не дури, парень, – от деда не укрылся жест юноши, но старший артельщик решил не развивать ссору – придёт ещё для этого время. – А сейчас нужно миновать осеннюю хлябь до захода солнца. – Услышит твои речи, нас всех того, – он провёл большим пальцем по своей шее.

Парень, стихая, кивнул, но когда его рот вновь был свободен, прошептал, наклоняясь к старшему товарищу:

– Может, мы его того? – Сом повторил жест Мокроуса.

– Сдурел? – дед схватился за голову, невольно оглядываясь на ищущего, который пристально следил за тем, чтобы взбрыкнувшие волы не опрокинули телеги с изваянием Господина.

– А чего? – парень уставился на собеседника с искренним недоумением. – Он же один. Да и серебришко при себе имеет. Тюкнем ночью по голове и поделим побратски, – Сом заговорщицки улыбнулся. – Между мной и тобой.

– Да ты что?

– Да ничего! – огрызнулся теряющий терпение лесоруб.

– Струсил? Заберём гривны, да и уйдём лесом.

– А остальные?

– Они же не дети малые – сами решат, что им делать.

– Ты хоть знаешь, кого тюкнуть-то собираешься? – Мокроуса трясло от слов хлопчика. – Это же первый слуга, первый, понимаешь? Ты как из леса вчера вышел!

– А может, и из леса! – оскалился Сом. – И что с того? Подумаешь, слуга! Мы – люди вольные!

– Вольные? – дед выпучил глаза. – Мы рабы Господина, дурень! Рабы! Понимаешь? А он, – Мокроус осмелел настолько, что мимолётным движением указал в спину

ищущего. – А он его первый слуга! Слуга, понимаешь? Носитель частицы его могущества!

Хруст ветки прервал речь лесоруба.

– Чего встали? – шипящий голос ищущего, незаметно подкравшегося к спорщикам, заставил Сома подскочить на месте, а Мокроуса испуганно вжать голову в плечи. – Обоз без вас не вытащить! Живо помогайте своим!

Под чёрным капюшоном блеснули и тут же погасли два багряных огонька.

Чёрный Колдун усмехнулся. Он и дальше мог наблюдать глазами своей тени за зарождающимся бунтом. Мог дожждаться, когда лесорубы кинутся друг на друга с ножами или всё же решатся напасть на его слугу, которого именуют ищущим. Он мог подтолкнуть живых к любому исходу, но сейчас было важно иное – затаённое в укромном месте капище Сварога должно быть выкорчевано и на том месте нужно поставить его собственное изваяние.

Узник посмотрел вверх, безбоязненно вглядываясь в своих пернатых тюремщиков. То, что он раньше делал только с опаской, ныне давалось без труда. Простирающиеся из Яви чёрные жилы, тянули плесень, рождающуюся в сердцах живых, к нему, питая Силой. Чем больше его изваяний занимало уничтоженные капища – тем больше было Силы.

Скоро, совсем скоро Силы будет столько, что он сможет беспрепятственно покинуть опостылевшую темницу и соединить расколотую Сваргу в себе, собрав все искры, бездумно разбросанные Праотцом.

Сказ 1. Дети Силы

– Я пришёл за тобой...

В обманчиво мягком голосе, сродни кошачьему мурлыканью, проскальзывали тщательно скрываемые нотки калёного железа, ждущего своего часа. Баюн прислушался, впрочем, не ожидая ответа. Скользнув взглядом по выпотрошенному мешку, поруганной девкой валяющемуся в придорожной грязи, терзаемой колючими иглами опостылевшей мороси, поднял голову, опасливо втягивая ноздрями ночной туман, разящий едким смрадом.

Удостоверившись, что, избежав лукавства беглеца и не попавшись на его уловки, он идёт по верному следу, Кот мягко шагнул вперёд, вглядываясь в облако тумана, неспешно выползающее на узенькую лесную тропу. Зеленые глаза охотника, с лёгкостью пронизывающие непроглядный мрак, пасовали перед сгущающимся маревом.

– Выходи!

Обнаженные клинки ненароком задели друг друга, заставляя густую пелену отступить и тут же, будто стыдясь своей секундной робости, двинуться вперёд к неторопливо шагающему по тропе путнику.

Ммм-ряяя-к – ммм-ряяя-к...

Издевательское хлюпанье мелких лужиц заставило поморщиться. Катая желваки, Баюн вновь прислушался к внутренней чуйке – единственной, на что можно было положиться, когда туман огладил ноги и, пробуя путника на вкус, окутал его липкой дымкой.

Откуда-то сбоку раздался затухающий крик. Охотнику показалось, что он ослышался, принимая желаемое за действительное. Прикрыв глаза, спутник Макоши выпустил свою самость на волю, заодно проверяя – не таится ли поблизости враг. Тропа и лес оставались пугающе пустынными, словно всё живое замерло, притаилось,

притворяясь мёртвым, в ожидании неминуемого. Лес вздрогнул от повторившегося крика. Баюн выдохнул – ему не почудилось. Справа донеслись едва слышимые детские голоса. Воин хмыкнул, давя победную улыбку – не ко времени, – и сделал шаг в сторону надрывного зова, забулькавшего от неожиданного удушья. Шагнул и замер, не веря себе – повторный крик раздался ближе и уже слева. Следопыт был уверен, что не ошибся – кричал тот же голос, что за мгновение до этого послышался по другую сторону тропы.

– Мряка-миряка, – взъерошенной кошкой зашипел Баюн.

Жалобный скулёж ударил в спину. Крутанувшись на одной ноге, охотник развернулся, готовый броситься на выручку, загодя понимая, что похищенные дети не могут передвигаться в тумане так быстро, да и незачем им петлять вокруг следопыта. Устрашившись блеска клинков, с наконечников которого недобро скалились вздыбленной кошки, марево отпрянуло, обнажая липкую грязь, с жадностью глотавшую бусинки мелкого дождя. Тропа оставалась пустой.

– ...миряка...

Баюн рубанул на отмах, гоня прочь ненавистное марево, некстати напомнившее о волках, Скоморохе и проклятой корчме, выругался, браня себя за невольный страха, и замер, вслушиваясь в надрывный хохот переливающихся детских голосов. Нервозный смех окружал, возникая то справа, то слева, то выбегал на тропу позади, то выскакивал спереди, с каждым разом приближаясь к попавшейся в капкан жертве. Порою дети кричали одновременно справа и слева, и чем ближе подбирался крик, тем чаще он стал доноситься с трёх сторон. Охотник замер на месте, отбросив попытку разобрать, что именно произносят дети, с содроганием ожидая исковерканного туманом крика.

Пытаясь определить, откуда явится Миряк, Баюн завертелся, топчась на месте, в ожидании, когда круг замкнётся и дети начнут голосить с четырёх сторон.

Радостно захлопавшая грязь, смачиваемая усилившейся моросью, раскисала при каждом его движении, с наслаждением чавкая и облизывая липкими комьями латные ботинки, вязнущие всё глубже и глубже. Неожиданно на смену мыслям о корчме пришли воспоминания об удушливых объятиях Водяной Княжны и вязком болоте, хранящем в себе память о неуклюжих разинях, выбравших неверную кочку для своего последнего шага. Воин посмотрел вниз и невольно содрогнулся – обездвиженные ноги увязли уже по колено.

Охотник дёрнулся, но на вид хлипкая грязь крепко обхватила лодыжки, не желая выпускать добычу. В спину ударил промозглый ветер, рождая холодок меж лопатками. Невольно застучали зубы. Руки дрогнули, едва не выронив клинки с шипящими от ярости кошачьими головами. С усилием воли Баюн упёрся кулаками в землю и попытался выдернуть правую ногу, но тут же выпрямился – хлябь чуть не засосала закованные в латные перчатки руки. Страхнув пахучую грязь с измаратых клинков, следопыт принюхался, улавливая ненавистный запах.

– Плесень!

Всё встало на свои места. Мряк-миряк, и раньше уводивший непослушных детей, в последнее время совсем распоясался. Об исчезновениях говорили повсеместно. Баюн шёл следом за слухами от княжества к княжеству, от града к граду, от веси³ к весям, не понимая, что гонит древнего обитателя чащоб и оврагов вперёд. Теперь понял, подтверждая догадку Макоши. Сдавшая за последнее время Хозяйка избушки на курьих ножках говорила о том, что стены Приюта Павших Богов перестали быть надёжной преградой для Чёрного Колдуна, тянущего тёмные щупальца в мир живых. Его армия наполнилась новыми приспешниками, некоторые из них были не из людского

³ Веси – деревня.

рода, порою ему присягали и Древние – живые осколки некогда Единой Сварги. Похищенные дети несли свои искры Тёмному, навеки обрывая связь с Ирием, который и без того стал почти недосыгаемым для жителей Яви.

Погруженный в не вовремя нахлынувшие думы Баюн охнул, пропустив удар сбоку. Доспех затрещал, ребра заныли, словно после встречи с массивным бревном, тараном вылетевшим из мглы и тут же сгнувшимся в тумане, который отступил для замаха. Голоса детей, окружившие увязшего по пояс Кота, остервенело кидались на него с разных сторон, уподобившись воронам, решившим не дожидаться, когда доходяга окончательно издохнет. Следопыт отмахивался мечами, с ужасом понимая, что с каждым движением увязает всё глубже.

Туман ударил вновь, сминая нагрудник. Теряя шлем, Баюн выгнулся назад, едва не сломав позвоночник, с досадой посмотрел на оброненный меч и, понимая, что не дотянется до него, рубанул вторым клинком. Слившийся со стоном плачь сиганул в образовавшуюся на груди прореху в доспехе. Крик умер на вздохе, успев прокусить плоть жертвы, по которой начал растекаться леденящий страх, сковывающий движение.

Баюн потянулся к Силе, но тут же задрожал от нестерпимого ужаса, стальными кольцами сдавившего грудь. Второй клинок покинул ослабевшие пальцы, посчитав их недостойными своей рукояти. Едва дыша, Кот поднял взгляд на возникшую в тумане тень. Переливаясь голосами давно сгнувшихся детей, Миряк медленно приближался к добыче, по шею увязшей в грязи.

– Мряка-миряка, мряка-миряка... – наперебой заголосили некогда похищенные дети.

Баюн поднял подбородок – не помогло. Понимая, что рискует захлебнуться и потерять очередную жизнь, следопыт забарахтался, усугубив своё положение, и, давась вязкой жижей, ощутил растущий в груди ужас. Одновременно с приходом паники начал расти Миряк, едва

различимый в густом мареве, яростнее загомонили дети, готовясь встречать очередного бредущего-в-тумане.

Когда похититель вырос до немислимых размеров, а его голова затерялась где-то над кронами деревьев, скованный в ужасе Баюн заметил, что льющаяся в глотку грязь не душит его. Охотник закрыл глаза, с усилием воли изгоняя ледяной холод с груди. Захватчик оскалился, решив не сдаваться без боя. Вторя ему, в самое ухо закричали дети, осыпая неразборчивыми причитаниями. Калёное железо духа сшиблось с ледяным копьём страха, пронзающим сердце. Спутник Макоши взревел, с яростью разбивая пристроившегося на груди паразита. Не выдержав решительного напора, лёд треснул, вынуждая туман отступить.

– Мряка-мряка! – наперебой испуганно завопили безжизненные детские голоса.

Баюн, отплёвываясь, открыл глаза. С трудом поднялся, старательно вычищая рот. Взглянул на развороченную лужу, в которой валялся всё это время. Поспешно подобрал клинки и сбитый с головы шлем, огляделся. Туман отступил, продолжая неразборчиво гомонить многоголосьем, отчасти напоминаящим детскую речь. Миряк съёжился, кутаясь в густой пелене. Пьющий Страх в панике бежал от того, кто не испугался его – попробуй догони.

Настраиваясь на предстоящую погоню, Баюн опешил, когда услышал позади себя скрежещущий шёпот. Охотник обернулся, уставившись на тающую тень, которая злобно прошипела:

– Мряка-миряка, издохни собака!

Туман нервно задрожал и, не в силах сдержать страх, скорчился в судорогах, открывая Баюну спутников Миряки, которые немедля двинулись к замершей добыче.

* * *

– Куда прѣшь, недомерок?

– Оставь ты его, Мировид, видишь, какой щедушный, того гляди, придавишь ненароком.

– Оставить?

Недовольный рык заставил шедших поблизости людей оглянуться на упитанного кожемяку, дурной нрав которого знала вся слободка. Взгляды неодобрительно скользнули по занесѣнной для удара руке и вновь устремились вперѣд, туда, где на конце извилистой улочки открывался простор вечевой площади, с хищно вбиравшей в себя горожан и жителей ближайших местечек.

– Оставь и остынь, – на мохнатый мозолистый кулак легла увесистая ладонь брата горластого смутьяна. – Малец не меньше твоего желает посмотреть на очищение, вот и рвѣтся вперѣд. Ростом-то не вышел, а увидеть охота. Чай сам не понимаешь?

– Не вышел он... – зашипел Мировид. – Оттоптал мне ногу, растяпа, – провожая взглядом шапку, отороченную ярко-рыжим мехом, мелькающую меж людей, словно огонѣк, раздосадованный кожевник оправил пояс, ненароком коснувшись кошеля, и судорожно забулькал, с жадностью хватая воздух – кожаного мешочка на месте не оказалось.

Ударивший по толпе вой заставил люд сбавить шаг. Находящиеся подле обкраденного слободчанина и вовсе остановились, затыкая уши и силясь понять, что стряслось. От площади, до которой оставалось с десятков дворов, слышались бряцанье оружия и окрики стражи, решившей проверить причину суতোлки на одной из улиц. Брань Мировида, словно оскаленные куницы, преследующие сбежавшую наседку, металась меж людей, желая нагнать воришку.

Понимая, что озирающийся люд рано или поздно обратит на неё внимание, одетая в мужское платье девочка натянула на глаза лисью шапку, закинула увесистую добычу, ласкающую слух нежным звоном, за пазуху и,

выхватив из-под самого носа зазевавшегося коробейника тёплый калач, юркнула в проулок меж частоколами, желая поскорее очутиться на соседней улице.

Подворотня встретила её недовольным чавканьем грязи, пытающейся выбраться из-под разбитых и давно не латаных мостков, нестерпимой вонью и промозглым ветерком, острыми пальцами ошупывавшим разгорячённое от бега тело. Запахнув заплатанный жилет, который удалось стащить прошлой зимой на одном постоялом дворе, девочка оглянулась, нервно жуя хрустящее лакомство. Кошель грел голодное пузо, обещая сытный вечер. Раздираемая предвкушением грядущего пира и опаской, что её всё же сумеют отыскать, она едва не натолкнулась на обнимающуюся пару, стоявшую у выхода на другую улицу. Юная воровка могла поклясться, что мгновение назад там никого не было, да и сейчас она видела их словно за неосязаемой пеленой. Неожиданно парень, прижавший к себе девушку, открыл глаза и прошептал:

– Это она?

Девочка попятилась, вжавшись в покосившийся частокол. Несмотря на мальчишескую одежду, незнакомец сразу понял, что это никакой не мальчик. Не в силах сдвинуться с места, воровка запуганной мошкой смотрела на паука, выползающего из груди улыбающегося парня. Повернувшись к ней девица кивнула головой:

– Она.

– Как твоё имя? – парень протянул руку.

– Аг... ния.

Воровка дрожала осенним листом, морщась от едкого запаха плесени, исходящего от надвинувшейся на неё пятерни. Неужели она столкнулась с ищущими – цепными псами правителя, рыскающими по городам и весям в поисках последних детей Дажьбога? Несмотря на то что эта парочка одета иначе, чем их собратья, Агния понимала – природу не скрыть. По груди, едва не разрывавшейся от дикого биения сердца, растекалось дарящее уверенность

тепло. Она уже сталкивалась с ними. С той встречи остались незаживающий рубец на спине и боль утраты – мама приказала бежать, позволив ищущим утащить себя, чтобы спасти дочь. Одну из дочерей. Самую юную и талантливую внучку Сварога. Девочка всхлипнула, резко всплеснула руками и, со злорадством глядя на удивлённые лица гончих Господина, в которых плеснула пламенем, рванула в людскую толпу, надеясь, что спасительный поток позволит ей затеряться и залечь на дно.

Агния понимала, что ей нужно поскорее покинуть город, скрыться в глухом лесу, окружившем выселок, в котором остался один-единственный шалашик, с доживающим свои годы дедом, заменившим ей родителей и научившим пользоваться Силой – даром истинных Богов. Но людской поток, спешивший к месту очищения, увлёк её за собой, не давая ни малейшего шанса на желаемый побег.

До неожиданной встречи она и сама стремилась на центральную площадь града, подле которой находился царский терем. Презрев увещевания деда, бегала туда каждый раз, когда разъезжающие по деревням глашатаи объявляли об очередном очищении, в надежде увидеть мать, братьев и сестёр, сгинувших многие лета назад, чтобы жила она. Агния жила и мечтала отомстить. Перед сном частенько представляла, как повстречает ищущих и выпотрошит их тёмные балахоны, которые они никогда не снимают, зыркая из-под капюшона на простой люд чёрными провалами, исторгающими неутолимую жажду. Ждала и дождалась – сбежала, не дав боя мучителям.

– Ненавижу!

Девочка со злостью сжала кулаки, по которым тут же запульсировало тепло. Отшельник учил, что Божественная Искра есть в каждом, но в некоторых их столько, что они становятся добычей ищеек Господина. Девочка с презрением зыркнула на сторонящихся её людей. Верные рабы Пленника чуяли пульсирующую рядом Силу, хоть и не отдавали себе отчета в этом. Гася в себе желание

выпустить на свободу растекающуюся по груди мощь, Агния вздрогнула, ощутив расходящийся по толпе ропот. Началось! Она с каждым разом с трудом переживала эти мгновения, с содроганием давя в себе желание уподобиться безумному зверю, слитому из тысяч одурманенных зевак. Воровка понимала: пока очищение не завершится, ей не покинуть града – продавшие искру люди попросту не сдвинутся с места.

– Грязь!

– Грязь!

– Грязь!

Девочка едва сдерживалась, чтобы не заткнуть уши и тем самым не выдать себя. От приютившего её деда, она знала, что на первые очищения являлось много носителей Силы. Ищущие упрощали себе поиск, заманивая добычу в аккуратно расставленную мышеловку. Носители искры либо пытались выручить собрата, либо сходили с ума, выдавая себя отличным от рабов поведением. Именно так выдала себя мама, когда попыталась спасти старшего сына, возглавившего быстро раскрытый мятеж. Поэтому Агния, широко распахивая рот, поднимала кулачок вверх, стараясь не отличаться от общей массы, опасливо косясь по сторонам – не покажутся ли те странные ищейки, что повстречали её в проулке.

– Очисть!

– Очисть!

– Очисть!

Странной парочки поблизости не было. Но зато она обнаружила рядом надувшего щёки Мировида, который не вспомнит ни о ней, ни о потерянном кошеле до тех пор, пока очищение не завершится. Агния прикусила губу, понимая, что толпа вынесла её напрямиком к сложенному из массивных бревён костру. Воровка старалась не смотреть на троицу в чёрных плащах с накинутыми на голову капюшонами. Ищущие пристально изучали люд тёмными

провалами вместо глаз, желая найти возможных носителей Силы.

– Как же вас много!

Девочка поёжилась – от ищеек тянуло холодом и плесенью. Обычно на очищении присутствует один, реже двое ищущих. Трех за раз она не видела никогда. Если прибавить к ним ещё и ту странную пару из проулка. Агния нахмурилась – неужели это всё ради неё? За сбежавшей из-под стражи мамой пришли всего лишь двое охотников и городская стража, которые легко справились с ворожеей и владеющими Силой братьями...

– Сжечь!

– Сжечь!

– Сжечь!

Она не успела додумать. Мысли спутались, разбегаясь в разные стороны, увидев как на помост повели ведающую. Толпа неистовствовала, глядя на ту, что ещё вчера лечила от хвори их детей, возвращала коровам надой и приструняла шаловливых духов, мешающих людям жить. Кто предал тебя? Ревнивая соседка, мужу которой ты вернула силу? Забудыга сосед, которому ты не кинула грошика? Проходимец, решивший получить положенную долю твоего скудного скарба?

– Ведьма!

– Сжечь Ведьму!

– Очисти-очисти её!

Простоволосая обнажённая девушка шагала гордо поднимая голову. На шее пойманной чародейки болталась подвеска, блокирующая возможность дотянуться до искры и использовать Силу. Под босые ноги ей кидали погнутые гвозди, осколки разбитых кувшинов и битое стекло – диковинку, которую себе могли позволить только самые богатые горожане. Девушка ступала твёрдо, не позволяя предавшим её безумцам стереть насмешливую улыбку с лица. Ведающая нахмурилась лишь единожды, когда проходила мимо притихшей Агнии. Сжала губы, слегка

качнула головой, предостерегая от глупостей, и, подталкиваемая в спину зазубренными наконечниками копий, взошла на костёр, где её уже ждали высокий грубо обтесанный столб и ищущие.

С трудом сдерживаясь, чтобы не зарыдать и не отвернуться, Агния прокусила губу, не замечая солоноватого вкуса во рту, скопсилась в сторону и с ужасом замерла, встретившись взглядом с девушкой из проулка. Повернула голову – её спутник стоял по другую сторону, закрывая возможность бегства.

Нашли! Выследили! Поймают! Мысли заметались в голове, пинками изгоняя расчётливость и рассудительность, которые тащили за собой упирающийся здравый смысл. Понимая, что собралась сделать воровка, незнакомка остерегающе замотала головой, но было уже поздно – Сила потекла к рукам Агнии.

Раздувающие огонь ищущие, умеющие долго не давать пламени разгореться, дабы очищаемый хорошо помучался и очистился, встрепенулись, едва успев отпрянуть от вспухшего костра. Пламя накинулось на сыроватые дрова голодным зверем, с жадностью поглощая пищу и даря поникшей ведающей быстрый уход. Сквозь слёзы, Агния видела лицо матери, вместо лица очищаемой. Подобное превращение случалось каждый раз. Ради этого мига она и ходила в город, чтобы хотя бы так повидаться с родными.

– Отступница!

– Держи отступницу.

– В коженные ряды побежала.

– Лови, лови! А то спалит полграда ненароком... С ведьмы станется.

Окрики ударили в спину, словно попутные потоки ветра, гонящие корабль вперёд. Агнию не нужно было подгонять, она с ужасом понимала – ей не уйти. Пятёрка ищущих с лёгкостью расправится с беглянкой. Но и сдаться без боя она не могла. Потому, скользя сквозь орущую толпу, бежала к коженному ряду, за которым находилась пристань – единственная возможность пробраться за стены, минуя городские ворота. Пламя стекало с её кулачков игривыми огоньками, медленно затухая на деревянных настилах.

* * *

– Мряк!

– Мряк!

Баюн на мгновение опешил, с содроганием глядя на людей, вынырывающих из отступающего тумана. Искривленные судорогой лица, скрюченные руки и тела, раздутые ноздри, грозно сопящие в предвкушении сладкой добычи – они шагали неспешно, неуклюже ставя босые кровоточащие ноги, истерзанные валежником и бритвенно-острой травой. Отвисшие челюсти, из которых валил смрад, подрагивали на каждом шагу, не в силах сомкнуться и произнести желаемое членораздельно, они рождали неразборчивое бормотание, срывающееся в истошные крики, более схожие с голосами животных, нежели с людской речью.

Воин попятился, с удивлением всматриваясь в ослепшие глаза, растекающиеся бездонными омутами на искаженных гримасой лицах, нет, не лицах – личинах, больше похожих на маски ряженых, изображающих пришедших из-за кромки, чем на обличия живых. Острый взор скользил по смутно знакомым физиономиям, не в силах зацепиться за ускользающее понимание – откуда он их знает. Баюн чувствовал, что в этом и кроется отгадка – кто они и зачем явились сюда, гонимые трусливым Миряком, жадным до чужих страхов. Но ответ таился в тумане, вновь и вновь рождающем схваченные судорогой тела, отказываясь являться лично.

– ...ряк... кряк!

Кот скользнул в сторону, пропуская бросившуюся на него сбоку тень, которая тут же налетела на близстоящее дерево, сползла по стволу и, неуклюже двигая конечностями, попыталась подняться, видимо, рассчитывая на вторую попытку. Витязь вскользь посмотрел в безумные очи нападавшего и, оторопев, замер. Безжалостное понимание происходящего, вооружившись увесистой дубиной, вынырнуло из клубов густого марева и, опережая двигающихся к Баюну скорчившихся кликуш⁴, широко

⁴ Кликуша – припадочный, бесноватый, одержимый демоном.

размахнувшись, нещадно ударило спутника Макоши по затылку. Кот пошатнулся, силясь устоять на ногах – он наконец понял, где видел всех этих людей.

– Мряк...

– Хряк...

Короткие мечи с оскаленными кошачьими мордами среагировали быстрее, чем Баюн подумал, что не стоит рубить в капусту жителей селения, в котором Мряка-Миряка похитил зазевавшихся детей, с наступлением сумерек укрытых за стенами родной избы. Железные когти рассекли скорчившееся тела, беспрепятственно пролетев сквозь растекающуюся дымкой плоть. Пытаясь сохранить равновесие, Кот шагнул вперёд, это спасло его от удара третьего нападающего, который тут же наткнулся на локоть, защищённый латным налокотником. Человек захлопал, словно осенняя лужа, и, теряя разлетающиеся зубы, осел в грязь, ни в какую не желая развоплощаться.

– В игры решил поиграть со мной, Миряка?

Ответом было колыхание съёживающегося тумана, выпускающего новых судорожно скрюченных кликуш, и насмешливый хохот детских голосов, в интонациях которых прослеживалась давно зарубцевавшаяся боль:

Мряка-Миряка!

Лежит на дне оврага.

Мряка-Миряка!

Смесь кота и вовкулака.

Баюн фыркнул. Липкий ужас, уводящий испуганных детей, вовремя не укрывшихся под перинкой или отеческим кожухом, трусил выйти на открытый бой, бросался едкими хохмочками, да выкидывал фокусы с туманом, который, поговаривают, родился из его собственного страха.

– Да уж, смелому не нужно никого пугать, – воин поправил шлем. – Пугать будет слабый, чтобы казаться смелым, в первую очередь самому себе.

Воин оскалился. Много дней он шёл вслед за мелкой моросью, рождаемой густой вереницей туч, тянувшихся с севера. Нынешняя охота на Осеннего Странника, несущего на подоле своего мглистого плаща дикий ужас, сковывающий тела и разрывающий сердца живых, была далеко не первой. Несколько раз Миряка ускользал, уводя детей из-под самого носа Баюна, который никак не мог уразуметь повадки одного из детей Чёрного Колдуна, каждый раз ожидая боя, но вместо схватки лова лишь отступающий туман.

И вот очередная охота. Он успел – дети живы. Спутник чувал это. Они были где-то совсем неподалёку. Осталось лишь отыскать их во мгле. Но впервые за долгие лета Миряка принял бой. Витязь ещё ни разу не сталкивался с туманным воинством и не понимал, как отличить одержимых кликуш, которых можно угомонить метким ударом, от мглистых призраков, растекающихся дымкой по рубящим их клинкам.

– Мряк...

– ...кряк...

– ...хряк...

На этот раз Баюн сумел вовремя развернуть свои железные когти и ударить плашмя, сбивая нападающих с ног. И не зря – скорчившиеся тела повалились в грязь ворохом переспелой сливы, задергались, пытаясь встать, но тут же были утихомирены меткими ударами ног. Позже ему стоит разобраться: отчего и почему призраки Мряки и кликуши схожи с сельчанами, лишившимися детей. А сейчас...

– ...ряк...

– ...як...

– ...мляк...

Убрав клинки в ножны, Баюн резво заработал кулаками. Латные перчатки сверкали во мгле, словно перуницы громовержца. Благо скорчившейся толпе, в которую Кот вклинился, хватало метких ударов и оплеух, с лёгкостью

разбивающих посиневшие лица, опрокидывающих нападавших в хлябь и развевающих дымку, принявшую человеческий образ. Сила, пульсирующая в груди спутника Макоши, гнала его вперёд, едва не загнав в ловушку.

– На дне оврага, говоришь?

Кот замер с занесенной над пропастью ногой. Вовремя оглянулся и, крутанувшись, отпрыгнул в сторону, пропуская нескольких кликуш, метивших в его спину. Скрюченные судорогой тела, неведомым образом набравшие немалую скорость, пролетели вперёд и бухнулись на дно глубокого, поросшего густой травой, оврага с прямыми, истерзанными невиданными когтями, склонами.

Баюн развернулся, собираясь двинуться в обратном направлении, попутно примечая ближайших преследователей, но тут укутавшая дно пелена отступила, открывая взору воина дальнюю часть иссохшего русла, некогда бурной реки, уходящего в том месте в изгиб. Воин торжествующе улыбнулся.

Их дрожащие пальцы едва не размыкались. В глазах измотанных детей жил страх, безжалостно выедающий трясущееся нутро. Самые маленькие, закрыв глаза, висели в ладонях старших, державших малышей за синее запястья. Озирающиеся по сторонам дети стояли плотным кругом, прижимаясь плечами друг к другу и изо всех сил пытаясь не разжать слабеющие пальцы. Самый высокий мальчик поднял голову и пристально посмотрел в глаза Баюну. На белом лице седого ребенка проступили румяна, губы сжались, а из глаз скользнула скупая слеза.

Туман качнулся, стремясь поскорее закрыть увиденное от посторонних глаз, но было уже поздно. Увернувшись от очередной кликуши, Кот побежал по кромке оврага в сторону детей, ведущих свою немую бескомпромиссную схватку.

– Мряка-мряка-мряка!

Туман взвыл испуганными детскими голосами. Нет, это не могли быть голоса детей, бьющихся с нелюдьё в осторожном кругу. Спутник Макоши не сомневался, что стоящие с суровыми лицами ребятишки так и лягут – молча, не проронив ни слова, нежели начнут вопить и просить о пощаде. Кричат не дети, кричит испуганный Миряка, страшась потерять добычу, посмевавшую вступить в схватку за свою жизнь.

Когда кромка оврага начала плавный изгиб, Баюн прыгнул вниз, проскользил по крутому берегу и, осыпав дно высохшего русла землей, кувыркнулся вперёд, вовремя поймав одного из малышей, выскользнувшего из рук девочки, чуть не упавший в обморок, впахнул малыша внутрь круга, где уже находилось несколько ребятишек, и помог сомкнуть руки, пока взревевший Миряка не успел воспользоваться моментом и напасть на детей, – с замкнутым кругом они вновь оказались для него невидимыми.

– Мряка-мряка! Собака-собака!

– Я не собака, я Кот!

Баюн шарил клинками впереди себя, пытаясь разглядеть в пелене трусливого противника – куда там. Густой туман уподобился киселю, который вот-вот придётся прорубать мечами. Печалило одно: кисель обычно пахнет ягодами и сладок на вкус, а от едкого тумана Миряки жутко несло плесенью, аж слезились глаза.

Витязь огляделся по сторонам. Несколько раз ему чудилась тёмная тень, быстро проскальзывающая мимо. Но можно ли сразить тень? Зная ответ, охотник скинул шлем и сощурился. Его очи закатились назад, обнажая белизну глаза. На этот раз тени не удалось проскочить беспрепятственно. Но, несмотря на кипящую в груди Силу, он не смог заморозить трусливого Миряку, лишь слегка замедлил бег Осеннего Скитальца, но этого было достаточно. Посланник Макоши не сумел разглядеть

скрытого во мгле противника. То, что не удалось взору воина, сделали его железные когти.

– Чур меня!

Баюн обернулся, глядя на оседающих на землю детей. Туман и морось сгнули, словно их не было вовсе. Изнеможенные ребятишки валились на дно оврага, усеянного сухой палой листвой. На ногах остался лишь самый старший из похищенных. Мальчик сурово смотрел на воина, закованного в агатово-чёрный доспех. Только сейчас Кот понял, что его встревожило во взоре ребенка – в нём жила Сила. И отнюдь не крупица, как во многих детях Дажьбога. Силы было столько, что они сумели продержаться до прихода подмоги. Баюн оглядел похищенных ребятишек внимательнее и ахнул – они все являлись носителями Силы.

– Как тебя зовут? – витязь поддался взору настойчивых зелёных глаз, немигающе смотрящих на него. Таких же зелёных, как и у спутника Макоши.

– Стан – моё им, – улыбаясь, мальчик смотрел на расширившиеся зрачки собеседника, не могущего оторвать взгляда от седых волос ребенка, которые вновь окрашивались в угольно-чёрный цвет. – Почему ты вступился за нас?

Коту чудилось, что говорит не Стан, а Сила, ворочающаяся в его груди. Сила настолько знакомая, что спутнику Макоши становилось не по себе.

– Я очень давно выслеживал Осеннего Скитальца.

– Выходит, мы не первые, кого он увёл от родного очага.

– Далеко не первые, – воин потушился.

– Что ты намерен делать дальше?

При этих словах лежащие ребятишки поднялись, с вызовом глядя на нежданного союзника.

– Вернуть вас домой.

По спине Баюна пробежал холодок, с такой ненавистью на него уставились дети. Стан растопырил пальцы, жестом

оборвал зачинающиеся возгласы, после чего изучил отступившего воина и твердо произнёс:

– Нам нельзя возвращаться в Зеленухи!

* * *

– Тс-с!..

– Матуска-матуска, ведьму́чка тутачки.

– Ох ты ж, чтоб её окаянную! Куда ты забрался-то, дитятко?

– Тс-с! Тихо! – приложив указательный палец левой руки к губам, испуганная Агния зашипела змеёй, грозя нашедшему её малышу кулаком, из которого показался край украденной гривны. – Хочешь, отрублю тебе на кренделя⁵?

– Ой, матуска! Ой, матуска, – заверещавший малец выскочил из клетки, куда прокрался за лакомством тайком от родительницы, но вместо угощения нашел притаившуюся девочку, которую уже перестали искать в этой части города. – Ведьмучка проклятушая грозитя мне крендельки мои отрубить.

– Мирови-ид! – завопила хозяйка дома, зовя на подмогу мужа. – Нашли мы твою ведьму. Богданчик нашёл. Зови скорее старосту, да пошли за ищущими. И не забудь молодцу нашему сластей купить.

Агния похолодела, понимая, что всё это время таилась в доме горлопана, которого так удачно подрезала с утра. Девочка облизнула иссохшие губы, решаясь выскочить из клетки и прорываться к выходу из добротного сложенного хором, в которые с необычайной лёгкостью проникла, уходя от наступающей на пятки погони. С раздавшимся за стеной

⁵ Серебряная гривна – денежная и весовая единица древнерусских и соседних с ними земель в XI–XV веках. Каждая гривна разделялась на четыре части. Отсюда же и произошло название «рубль» от слова «рубить», потому что прут серебра в гривну весом разрубался на четыре части, которые и назывались рублями.

лязгом металла воровка поняла, что опоздала. Едва не вырванная с петель дверь распахнулась настежь.

– Нехай кого стороннего звать, – громоздкая тень закрыла собой дверной проём. Кожемяка замер, прищурившись изучая тьму клетки, пронизываемую лучами вечернего солнца, проникающими сквозь щели меж грубо сколоченных досок. Хозяин хором присмотрелся, не веря своим глазам, довольно хмыкнул, повернул массивную шею и прокричал: – Эй, Некрас! Поймал я того воришку, которого ты давеча не дал мне проучить. Зови подмастерьев, сейчас жилы тянуть будем во славу нашего Господина. Не зря, ой, не зря я сходил в пустой дом и воздал ему требы, после всей этой кутерьмы на площади. Пленник никогда не оставит верных ему!

Понимая, что время утекает сквозь пальцы, девочка, тяжело дыша и морща лоб, потянулась к Силе. Тщетно. Она была пуста – истратила всё без остатка на площади, даря ведающей скорый уход. Конечно, много позже искра вновь разгорится, но у пойманной в капкан девочки от этого не было никакой радости. Вспоминая рассказы о могучих жителях Единой Сварги, которые без оглядки могли пользоваться изначальной искрой, Агния, выворачивая себя наизнанку, наскребла крохи, позволяющие ей совершить последнее чудо.

– Прочь с дороги! – девичий голос ударил кусачим кнутом, заставляя просаленную шею повернуться вспять.

– Что?! – вытаращив глаза, кожемяка невольно отшатнулся от пылающего в руке воровки огонька. – Клятая ведьма!

– Беги прочь! Беги и прячься под подолом жинки, а то спалю тебе тут всё! – глаза ворожеи горели огнём. Щёки окрасил пурпур, смешавший в себе залихватский азарт и страх, рождённый пониманием, что её искра вот-вот погаснет.

Девочка шла не спеша, боясь невольным движением сбить и без того чахлый огонёк, готовый развеяться от

мало-мальского сквознячка. Нет, она бы не остановилась на одних угрозах и спалила бы всё тут – проклятые рабы Господина заслуживали наказания. За её плечами осталась выжженная деревня, в которой она росла, а после ревела над угольками отчего дома. Соседи, показавшие ищущим короткий путь к их хате, дорого поплатились за то, что не дали её семье лишних мгновений, могущих спасти маму, братьев и сестричек. А позже горел кабак, в котором голодную проходимку, истерзанную морозной вьюгой, накормили бобами, да пытались напоить настоем дурман-травы, чтобы приковать на чердаке ржавыми кандалами, видевшими слёзы других обманутых... Не приковали. Ещё была мельница. Почему-то Агния вспоминала её чаще других, больше с печалью и содроганием, нежели с привычным ей злорадством. Быть может, дело в Сташике – сиротке, с которым она успела подружиться за недолгое проживание в семье мельника, приютившего таких как она. Жили они дружно, девочка даже надеялась, что вновь обрела дом. А потом пришла весна, и мельник решил выдать её замуж... сразу за всех сыновей разом. Она помнила их крики, тонущие в огне, ей часто снились их удивленные глаза и стоны, отчего-то сливающиеся в неразборчивое карканье. Агния сглотнула, гоня воспоминания. Она с радостью бы спалила хоромы, в коих таилась полдня, пока мальчишка не нашёл её, но понимала, что танцующий на ладони огонёк – это больше иллюзия, нежели реальное пламя, могущее причинить кому-то реальный вред.

– Что ты пятишься, Мировид?!

Когда до заветного выхода оставались считанные шаги, в спину отступающему хозяину врезалась гора мышц, прикрытая одним кожаным фартуком. Несшийся к клетки Некрас не рассчитал скорости и налетел на испуганного брата, который тут же повалился вперёд, едва не придавив чародейку.

– Встань, встань, увалень! – кожемяка вопил, словно хряк, которого тащили на живодёрню. – Она же спалит тут всё.

– Да не спалит! – Некрас с лёгкостью поднялся и, помогая брату, указал свободной рукой на рванувшую к частоколу девку. – Смотри, как чешет! Хотела бы спалить – спалила бы давно. Сам же видел, с какой лёгкостью на площади она превратила массивные брёвна в пепел.

– Хватай её! Выпускайте собак! – Мировид с трудом поднялся и, злобно зыркнув на брата, заорал выглядывающим из мастерской подмастерьям. – Скорее, скорее, телепни! Уйдёт, с вас шкуру спущу!

Увлечённые наблюдением за разворачивающейся погоней, братья кожевники не заметили, как из дальнего угла клетки потянул едкий запах плесени. Подхваченный хлипким сквозняком дурман ощущал утварь, скомкавшуюся на полу грязь, перемешанную с опалой листвой, выглянул наружу, едва касаясь хозяев хором, и юркнул назад, туда, где на вмиг подсыревших досках едкими коростами моментально проступала пузырящаяся гниль.

Агния вскрикнула. До частокола девочке не хватило несколько шагов. Мохнатые волкодавы, с слипшейся шерстью, свисавшей затвердевшими комьями, длинными прыжками настигли беглянку, сбили с ног и, злобно рыча, преградили дорогу. На удивление Мировида, который неуклюже топоча спешил к пойманной воровке, псы не растерзали чародейку, на что он надеялся, не желая марать руки, а лишь сдерживали, не пуская к спасительному частоколу, за которым уже слышались крики горожан, незнамо как прознавших о поимке ведьмы.

– Куси-куси её, рви! – захлёбывающийся слюной кожемяка, наконец, догнал брата, добежавшего до собак первым.

– Гляди, – Некрас осадил родича, – это же девка, – для него это стало неожиданной новостью.

– И что с того, что девка, – тяжело дыша, хозяин мастерской навис над притихшей Агнией, выставившей перед собой бритвенно отточенный ножичек, коим и лишила ремесленника заветного кошель.

– Так ребенок же совсем... Как моя Агуша.

– Не ребёнок, а клятая ведьма! – Мировид сплюнул. – Выродок ложных божков, что пленили нашего Господина.

– Коли ведьма, зови ищущих.

– Погоди, – здоровяк осклабился. – Успеем позвать.

– Что ты задумал?

– Сейчас мы её очистим! – кожемяка хищно осклабился, исподлобья глядя на дрожащую воровку.

– Ищущие не одобряют, – неуверенно промямлил Некрас.

– Ищущие?! – усмехнулся Мировид. – Мы совершим очищение именем Господина. Расправимся с чародейкой во славу его.

– Во славу Господина, говоришь, – раздавшийся из-за спин кожевников голос застал их врасплох. – Узнаешь ли ты при встрече того, кого собрался славить?

Отметив, что собаки начали поскуливать и вжались в частокол, Мировид коснулся пальцами рукояти висящего на поясе ножа и не спеша обернулся, слегка качнувшись в сторону, позволяя Агнии увидеть приближающуюся фигуру в чёрном плаще, с накинутым на лицо капюшоном, а за ней – о, ужас! – девушку, которая повстречалась чародейке в подворотне. Незнакомка задорно подмигнула напуганной воровке.

– А-а-а, – привычный к кулачному бою Мировид опустил подбородок, выставил вперед руки, в одной из которых блеснул нож, и подсобрался, готовый атаковать очередного нежданного гостя. – Вижу, пришли за своей девкой, ведьмино племя.

Дрожащая от страха Агния не чуяла в парне, небрежно откинувшем капюшон, Силу, подобную той, что жила в ней и в девушке, шедшей за ним следом. В груди незнакомца ворочалась голодная бездна, сродни той, что ворожея чуяла

в ищущих, только куда глубже, голоднее и злее. Когда бездна шагнула наружу, злобно лязгнув гниющими челюстями, у Агнии от страха закатились глаза.

* * *

– А наши ли это дети?

Баюн, вырванный из терзающих его дум, вздрогнул, едва не обронив сжимаемый в руке шлем. Обрюзгший староста, аки верховный князь, уперев ладони в колени, восседал на широкой скамье, стоящей у входа в пустой дом. Такие сооружения всё чаще и чаще возводились в городах и весях. Пустые дома строили на случай, если пленённый Господин вырвется на волю и решит заночевать в их селении. То, что Чёрному Колдуну вовек не нужен сарай, выстроенный в самом центре селища, понимал лишь один Баюн. До возвращения Пленника его жилище использовали в основном для проведения вече в непогожий день, да сбора податей в царскую казну. Внутри обитого досками сооружения высилось изображение Чародея – и с чего они решили, что Тёмный выглядит именно так? – у стен стояли лавки – вот и всё убранство Пустого дома. Баюн гадал: верят ли сами люди в предназначение сего строения, но ответ оставался для него сокрыт, не пойдёшь же по хатам с расспросами. Чего доброго, погонят вилами, или ещё лучше – нарекут отступником. Бегай потом по лесам от ватаг, преисполненных праведным гневом, за хулу, нанесённую их Господину. Витязь фыркнул, едва не сплюнув себе под ноги, но вовремя остановился.

– Ребятишек своих не узнаешь? – Кот оглянулся, с опаской осмотрел детей, которых вернул в отчий дом.

Дети стояли на месте, переминаясь с ноги на ногу. Воин с прищуром изучил толстого старика – неужели он что-то учуял? На взгляд спутника Макоши, иллюзия, созданная одной из спасённых девочек, держалась на удивление стойко, ничем не отличаясь от настоящих детей, которые

наотрез отказались возвращаться в родной дом, старательно умалчивая о причинах своего отказа. Благо ребяташки решили помочь избавителю в качестве платы за неожиданную помощь. Баюн не спорил. Он всем сердцем желал разобраться в происходящем, поэтому согласился на уловку, понимая, что он, скорее всего, сумел бы одолеть и повязать юных носителей искры Дажьбога, но искренне не видел в этом никакого смысла и отпустил ребятню восвояси, тайно надеясь вновь их увидеть, а лучше отвести к Макоши. При мысли о Хозяйке избы на курьих ножках в груди заныло – с последней их встречи, на которой Пряха отрезала свою тень, Баюн не возвращался за частокол с черепами и с опаской подозревал, что может и не суметь вернуться.

– Не узнаю, – обрезал поднявшийся староста Зеленух.

Собравшиеся люди зашептались. Несмотря на ночную темень, разгоняемую десятком чадящих факелов, вокруг спасенных детей собралось всё селение. Удивлённый Баюн не видел на лицах людей радости, напротив: на него смотрели с опасливым осуждением, брезгливо морщили носы и тыкали пальцами, шипя по-змеиному. Воин старался высмотреть в толпе лица кликуш, которых он отмутил у оврага, но, к своей радости, не находил, загодя не понимая, как поступит, если среди родителей детей окажутся те, кого он лупил в тумане.

– А ты приглядиись! – спутник Макоши цокнул языком, отшагнув в сторону.

– Пригляжусь-пригляжусь...

Староста ступал неспешно, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, с трудом спустился со ступеней, ведущих к Пустому дому. Зашаркал к миражу, который невозможно было отличить от реальных детей. Кот и сам бы не отличил, если бы не ведал о подмене. Остановившись подле Баюна, староста несколько мгновений поглядел в изумрудно-зелёные очи, ничего не сказал и засеменял дальше. За ним следовал парнишка, держащий в руке факел.

Витязь озирался, пытаясь понять источник опасности, о которой вопило растревоженное нутро. Но никто из людей, продолжавших недобро пялиться на него, не походил на кликуш и тем более не пытался кинуться на воина, подготовившегося к бою. Сила пульсировала в груди, требуя выхода, Сила ждала схватки. Баюну стоило больших усилий сохранять спокойствие.

– Как же ты мог, Стан? – Презрительный голос старика отвлек Кота от смирения своего естества. Витязь с интересом уставился на старосту, который подошел к псевдо-Стану и, схватив пухлыми пальцами мальчика за подбородок, потряс его, пытаясь оторвать от земли. Затем разжал хватку и резко повернулся к отпрянувшему Баюну. – Решил обдурить нас, пройдоха?!

В глазах старосты плескалась тьма. Витязь огляделся, отмечая, что толпа, не сводя с него очей, придвинулась ближе, встав непроходимой стеной. Пугающая догадка оборачивалась явью – они все одержимы. Конечно, спутник Макоши видел, как изменяется мир. Как живые забывают своих пращуров, славя не жителей Ирия, а Чёрного Колдуна. Но даже те, кто признал себя рабом Господина, оставались людьми, и их ещё можно было вернуть на истинный путь. Окружившие его сельчане напротив – не люди, мерзкая гниль в человеческом облиции. Именно поэтому дети не желали возвращаться в свои дома или?..

– С чего ты решил, старче? – как ни в чём не бывало ответил воин.

– С чего?! – дед взревел, сжимая кулаки. – Да ты погляди на них!

Витязь в недоумении приподнял брови.

– Дети как дети. Обычные...

– Вот именно! – губы старика дрожали, изо рта вылетала слюна. – Они обычные! О-бы-чны-е!

– Ну да... – Баюн развёл руками.

– Признавайся, куда ты дел их искру? – староста упёр указательный палец в Кота.

– Искру?

Спутник Макоши лихорадочно взвешивал услышанное – выходит сельчанам ведомо о способностях детей. А это значит...

– Не прикидывайся простофилей. Я сразу понял, что ты неспроста решил помочь нам, не за медовые коврижки пошёл следом за Мрякой-путеводом. Говори! Говори, паршивец: где их Сила, куда спрятал, где затаил?

– Зачем тебе она? Неужто сам решил завладеть?

– Зачем? – наступая на гостя, дед едва не рвал на себе волосы. – Зачем она мне? Сам я решил завладеть! Ты дурень, коли лопочешь такое.

– Дурень!

– Дурень!

Поддержали его сельчане.

– Мы с осени до осени ищем детей с искрой. Ходим по базарам и ярмаркам, крадём голозадых у соседей, принимаем проходимцев как родных, кормим, поим, уберегаем от тяжелой работы, чтобы осенью сполна отдать причитающееся Господину, – он воздел руки к небу. – Ой, горе нам, горе. Ты – безумец, коли решил, что нам нужны эти голодранцы, которых ты привел от оврага. Что нам теперь, своих кровинушек отдавать? Одолел Мряку, говоришь? Глупец, внук глупца, вымысок недожеванный коровой – вот ты кто.

Опешивший Баюн перевёл взор со старейшины на мираж, стоящий на прежнем месте.

– Вы отдаёте детей? Сознательно воруете, выкармливаете, как скот, и отдаёте?! – не веря услышанному, воскликнул витязь.

Староста прищурился и, сбавив напор, продолжил:

– А что? Первый раз о таком слышишь? Или думаешь, соседи живут как-то иначе? Не прокрадываются к нам по ночам, не жгут дома, дабы скрыть пропажу? Ты сам-то с каких мест? – дед усмехнулся, ткнув пальцем в небо. –

Бабка рассказывала сказы, видать, и ты их слышал, да дурья башка поверила, приняла за правду сказки про Ирии.

– То не сказы...

– Да-а? – старец покачал головой. – А чтишь ли ты нашего Господина?

Кот не успел ответить. Голос Стана разогнал свалившуюся на плечи собравшихся тишину.

– Раб становится рабом не тогда, когда на его шею смыкаются железные кандалы, не тогда, когда руки за спиной стягивает крепкая верёвка. Раб становится рабом, когда соглашается им быть, прекратив всякие попытки обрести потерянную свободу. После чего начинает гнить изнутри.

Баюн с удивлением смотрел в озорные глаза мальчишки, вещавшем словами старца, умудренного жизненным опытом. Витязь понимал, что обычный морок не может вести себя так. А это значит, что устами миража глаголет зеленоглазый мальчик, использовавший его как посыльного.

– Упрямец Стан! – дед повернулся к детям, жадно вдыхая воздух. – Разве плохо я кормил тебя – тать, найденную в придорожной канаве. Разве не спал ты в моём доме, не ел с моего стола?

– Ты родился рабом и дети твои – рабы, – Стан рассмеялся. – Решил выменять их никчёмные жизни на наши? За твою помощь и заботу я щедро отплатил тебе на посевной... мы все щедро отплатили, используя Силу наших искр.

– Ничего-ничего, – староста теребил нещадно нос. – Найду я на тебя управу.

Малец будто и не слышал собеседника, продолжая вещать:

– За добро мы платим добром, – его голос на мгновение смолк. – Но посеянное тобой коварство непременно взойдёт кровавыми всходами. Прощай, раб, которого я искренне считал своим дедом, пусть и недолго.

С этими словами мираж начал таять, растекаясь туманом по вздрогнувшей земле. За первым толчком последовал второй, третий. Осознав, чью Силу учуял в Стане, Баюн запоздало понял, что сейчас случится, и прокричал:

– Бегите! Спасайтесь!

Но его возглас потонул в поднявшемся гомоне, который мигом стих, стоило только старосте воскликнуть:

– Поклонитесь ему!

Позабыв о бегстве, Кот с удивлением наблюдал, как люди начали валиться ниц, воздев руки к Пустому дому.

– А называли меня дурнем!

Баюн начал пробираться меж причитающих людей, будто бы не замечающих усиливающееся волнение тверди, но не успел сделать и несколько шагов, как его лодыжку обхватили пухлые пальцы.

– Ответь: чтить ли ты Пленника?

Сверля война безумными глазами, староста поднялся на удивление резво.

– Ты безумен, дед! – Кот попытался вырваться, но хватка старика оказалась неожиданно крепкой. – Уводи людей, скоро тут...

– Я узнал тебя, дитя лжи и порока! – старик рассмеялся. – Говорят, в тёмном лесу живет старая ведьма, что таится за частоколом с черепами. Она и есть – мать всех чудовищ, что приходят из-за кромки. А на посылках у старухи чёрный кот...

Понимая, что рискует уйти под землю вместе со старым безумцем, Баюн резко ударил старосту по рукам, рванул в сторону и едва не угодил в трещину, расплзающуюся под ногами людей. Искренне желая вновь повидаться со Станом, Кот, не оборачиваясь, юркнул во тьму, не видя, как из Пустого дома вышли четыре тёмные фигуры в накиннутых на голову капюшонах. Ищущие переглянулись и, не обращая внимания на стоны живых, которых начала поглощать разверзшаяся твердь, двинулись по следу Баюна.

– Нет! Не тронь меня!

Визгливый крик потонул в клубящемся мареве, тяжелым покрывалом укутавшим всё вокруг резко вскочившей Агнии. Девочка, не задумываясь раскрыла ладонь, желая проверить: вернулась ли Сила, и с горечью прикусила губу. Незначительный «пшык» тут же погас, не успев народить мало-мальски уверенного огонька. Юная ворожея схватилась за гудящую голову, с опаской пытаясь разглядеть хоть что-то в непроглядном мраке. Ей ничего не угрожало. Никто не желал выскочить из тумана и пожрать её.

Тяжело дыша, девочка попыталась вспомнить приключившееся с ней и вздрогнула, когда её памяти коснулся острый взгляд незнакомца, помешавшего кожевнику учинить расправу. Она смутно помнила, что произошло после: нежные пальцы касались её тела, гладили по лбу, крепкие руки подняли над землей и прижали к себе. А затем... затем пришёл едкий запах плесени и ворчание бездны, ворочающейся где-то поблизости, но отчего-то не пожравшей её.

– Неужели меня поглотила тьма ищущих?

Девочка напряглась, прислушиваясь к ощущениям. Сила хоть и покинула её, но все же должна была вернуться, вновь наполняя чародейку могуществом. Выбираясь из завалов памяти, на поверхность сознания всплыли голоса. Агния помнила – они принадлежат незнакомцам, что настигли её в проулке:

– Поспешай и благодари этого дуралея, что не кликнул ищущих, – парень был недоволен, словно хищник, из пасти которого вырвали лакомый кусок.

– Ты бы с ними не справился, – девушка, напротив, была излишне спокойной.

Зависло короткое молчание.

– Справился, почему нет? – Агния кожей ощущала его оскал, словно зверь, чурющийся проглотить слишком легко доставшуюся добычу, лишь слегка лизнул дрожащего неудачника, попавшего ему в лапы. – Но это бы уже был не я...

– Боишься, что тебя пожрёт твоё же нутро?

– Уже нет...

Грубые пальцы огладили волосы ворожеи.

– Надеешься на неё?

– И на тебя, – в голосе парня скользнула ласковая улыбка, разительно отличающаяся от недавнего хищного оскала. – Ты всегда можешь спеть мне, как тогда на берегу.

– Могу, – по голосу девушки скользнула рябь неприязни.

– Почему же не поёшь? Ни разу не пела с нашей встречи, когда вытащила меня из пучины.

– Ещё спою, – в её голосе скользнула сталь. – Но после. Нам стоит поскорее убраться отсюда. Ты сумеешь открыть проход?

– Постараюсь. Мне, конечно, далеко до умений старухи, но...

Агния поёжилась. После этого разговора её словно окунули в плесень. Воровка начала чесаться, будто желая снять с себя гниющую пелену. Резко прекратила, принялась – от неё не пахло затхлостью, лишь лесными травами и спелой земляникой. Такой аромат шёл от незнакомки.

– Выходит, преследовательница спасла меня? – девочка шагнула вперёд, руками раздвигая податливую хмарь.

Кто в таком случае её спутник? Он во сто крат сильнее ищущих и мог бы с лёгкостью расправиться с ней, но не стал. Что его удержало? Неужели слово спутницы? Не ведая ответа, она пробиралась дальше, пока не услышала отдаленные голоса. Агния сделала ещё пару шагов, прислушалась. Одна из говоривших была той девушкой, что

гонялась за ней весь сегодняшний день. Второй голос, неровный и брюзжащий, принадлежал, скорее всего, старухе. Не о ней ли говорил парень? Девочка шагнула вперёд и едва не врезалась в бревенчатую стену – от удара спасли выставленные вперёд руки. Воровка оглянулась – тумана как не бывало. Она находилась в небольшом чулане, заставленном всевозможной утварью. Из-за двери, находящейся по правую руку, доносился довольно разборчивый разговор.

– Ты уже многое умеешь, девонька моя, – старушечий голос стелился дряхлым котом по заплатам половицам, неловко цепляя дрожащими нотами слух, словно оставляя на ткани затяжки давно тупыми когтями.

– Недостаточно...

– Достаточно для задуманного!

– Ты отказываешься меня учить?

– Напротив, – старуха крикнула. – Я даю тебе следующий урок. Ты довольно повозилась с этим сорванцом. Пора свершить задуманное.

– Ты для этого послала меня на берег?

Старуха ответила не сразу, старательно подбирая слова.

– Не для этого. Я думала... Эх, – она вновь смолкла. – Думала, что ты сможешь удержать его.

– Я и удерживаю.

– Удерживаешь?!

Стены дрогнули, бревна заходили ходуном, вынуждая Агнию отпрянуть от скрипнувшей двери.

– Да! – девушка перешла на крик, тут же поникнув, словно дворový пёс, твякнувший на хозяина, с руки которого он всю жизнь питался. – Удерживаю!

– И я так думала, – старуха была непреклонна. – До вашей недавней выходки.

– Но...

– Неужели ты не понимаешь, насколько он опасен? В этом человеке живет бездна – порождение Чёрного